

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ВОСТРЕБОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

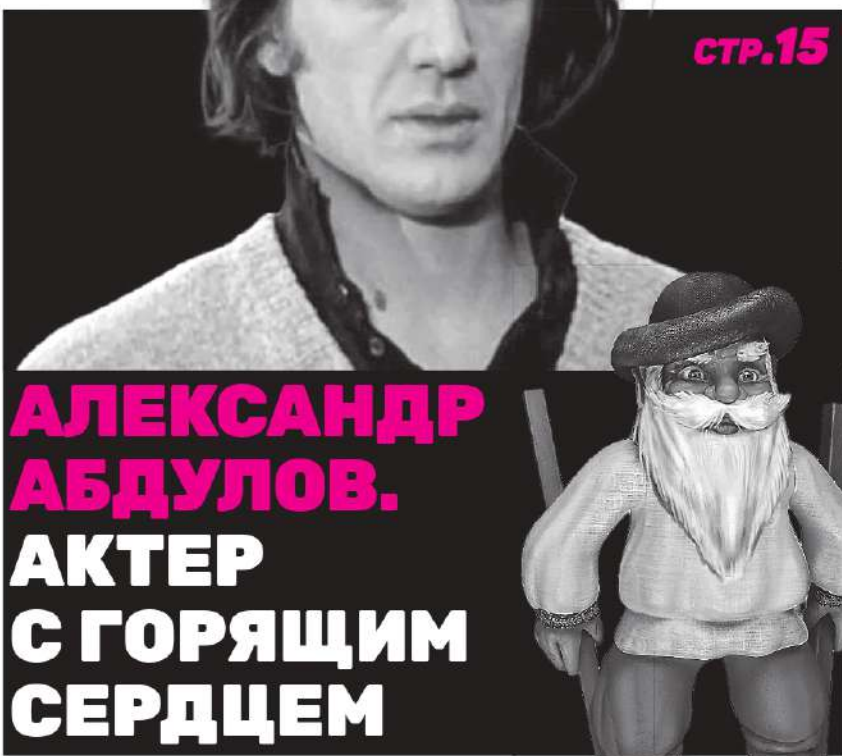
СТР.10-11

Бульварные НОВОСТИ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№52 (81)
ДЕКАБРЬ 2021

**ТАКИЕ РАЗНЫЕ
МОРОЗЫ**

СТР.13-14

«УТКА» К НОВОГОДНЕМУ СТОЛУ

Александр Галяс

Во многих странах мира к рождественскому столу принято подавать запеченную индейку или гуся (иногда утку, но это зависит от количества гостей), иногда предлагают запеченный окорок или поросенка.

Новогодний стол невозможно представить без шампанского и салата-оливье.

А вот автор этих строк 30 лет назад, конкретно, 31 декабря 1991 года, преподнес своим землякам-одесситам к Новому Году увесистую «утку».

Тут следует пояснить, что я имею в виду.

На журналистском жаргоне «уткой» называется непроверенная или преднамеренно ложная информация, опубликованная в СМИ.

По поводу происхождения этого термина существует несколько теорий.

Самая распространенная связана с бельгийцем Робертом Корнелиссеном. В 1815 году он решил проверить, насколько легковерна местная публика, для чего опубликовал в одном из журналов заметку о прозорливости уток. В ней он написал, что одна утка съела девятнадцать своих сородичей, предварительно порубленных на кусочки. После того, как журнал появился в продаже, десятки тысяч людей стали обсуждать эту историю, забыв о более насущных проблемах. На втором плане оказалось даже происхождение в ту пору насильственное объединение Бельгии с Нидерландами. (Не исключено, кстати, что это и было тайной целью автора «сенсации»). А после того, как Корнелиссен рассказал о своем розыгрыше, любую недостоверную информацию, появлявшуюся в СМИ, принято называть «уткой».

По другой версии, этот термин появился еще раньше, а именно в 1776 году. Тогда французская «Земледельческая газета» опубликовала статью, в которой предлагала читателям опробовать до-селе неизвестный способ ловли уток. А именно: перед охотой в специальном зелье (являющемся слабительным) нужно было отварить жёлудь, привязать к нему верёвку и использовать в качестве приманки для утки. Проглотившая жёлудь утка начинала мучиться, жёлудь покидал её кишечник, после чего становился добычей другой утки. Таким образом, по заверению авторов статьи, некий судейный пристав поймал на верёвку двадцать уток, которые чуть было не унесли его в небо. С тех пор эти утки стали синонимами ложных новостей.

Кстати, схожий способ ловли уток приписывается барону Мюнхгаузену, имя которого стало нарицательным и обозначает хронического фантазера; только вместо жёлудя барон использовал кусок сала.

Для экзотики добавим, что в киргизском языке есть такое выражение «Ордоку учту» — «Утки взлетели». Так говорят во время общей беседы, намекая на то, что кто-то из присутствующих начинает явно привирать.

Но вернемся в 1991-й год. Все началось с обычной «установки»: «Весело встретим Новый Год!» «Установка» была дана редактором самой популярной в городе газеты «Вечерняя Одесса» Борисом Деревянко тогдашнему заведомо информации газеты Евгению Волокину. Евгений привлек к реализации этого задания нескольких коллег, включая автора этих строк. Не мудрствуя лукаво, мы решили пойти по «первоапрельскому пути», т. е. попытаться разыграть читателей. Для чего сочинили несколько информационных, по форме вроде как достоверных, а по сути — совершенно абсурдных. Лично мне пришла в голову идея использовать ситуацию, которая сложилась в ту пору вокруг знаменитого здания Одесского театра оперы и балета.

Этот легендарный памятник архитектуры считается вторым (после Венской оперы) по красоте театральным зданием в Европе. В это легко поверить, если учесть, что оба здания строились по проектам одной и той архитектурной фирмы. (Любопытная, кстати, деталь: эта же фирма выстроила в Украине еще один театр. И где бы вы думали? — в Черновцах). В Одессе оперный театр давно уже стал одним из символов города, его образ растрасширован в миллионах открыток, фотографий, телевизионных заставок и прочая, прочая, прочая... Потому горожане особенно остро воспринимают все коллизии, с ним связанные. Между тем, как раз в начале 1990-х годов был поднят вопрос о плачевном состоянии, в котором находится этот уникальный памятник архитектуры. В прессе появились статьи, призывающие спасти нашу одесскую «национальную гордость», предлагались разные варианты спасения. Вот на этом интересе я и решил сыграть.

Для чего пришлось выдумать некую японскую фирму «Нибуяси», которая якобы занимается реставрацией памятников архитектуры. Почему в качестве «спасателей» были выбраны именно японцы, объяснить нетрудно. Представителей этой страны народная молва вполне справедливо наделила рядом качеств, среди которых выделяются безупречное отношение к работе, исключительное трудолюбие, смекалка плюс высокая техническая оснащенность

производства. Японские товары у нас всегда котировались высоко и японская инженерная мысль — тоже. Так вот, в небольшом «интервью» глава фирмы, как я уже упомянул, «Нибуяси» господин Мацухито предлагал следующее решение проблемы реконструкции одесской оперы. Японцы разбирают здание театра — как в известной песне — «по камешку, по кирпичику», перевозят эти камни к себе на родину, там пропитывают каждый камень особым раствором, а затем все это возвращают назад в Одессу и также «по кирпичику» восстанавливают старое здание. Эту работу они завершают аккуратно к празднованию 200-летней годовщины основания города, т. е. к 1994-му году. Взамен японцы просят «всего ничего», а именно — отдать им театр в аренду на 99 лет. Подобная практика (имеется в виду 99-летняя аренда) является в мире весьма распространенной, такчто в этом плане автор ничего не выдумал. Зато во всем остальном...

И вот эта утка-«утка» среди прочих сообщений такого же уровня достоверности появилась в предновогоднем номере «Вечерней Одессы». В принципе, авторы прямо намекали читателям, что сие — ничто иное, как розыгрыш, ибо все подобные «новости» вышли под общей рубрикой ЧМО (Черное море Одессы). Но, как оказалось, мы переоценили своих земляков на предмет наличия у них чувства юмора...

«Вечерняя Одесса» тогда появлялась

в киосках в районе 17 часов, так что большинство одесситов получили наши «утки» — как «подарок» к новогоднему столу. И вот тут-то началось...

Первую реакцию автор испытал в собственном доме.

— Нет, ну как это тебе нравится?! — едва переступив порог, услышал я мамин гневный голос. — Наш театр собирается продавать японцам!

Стоило некоторым трудом успокоить родительницу. Но даже, когда она узнала, кто истинный виновник «сенсации», все равно еще какое-то время «остывала» — столь велик был гнев потомственной одесситки. (Справедливости ради, замечу, что досталось и другим аналогичным публикациям «ЧМО»). Затем пошли письма. Мне дали почитать увесистую стопку. Каких только слов там не было! Наиболее рьяные защитники одесской оперы предлагали перечислить свою месячную пенсию в фонд спасения театра. Правда, таких было немного: большинство авторов требовали от городской власти ни в коем случае

не отдавать «узкоглазым» нашу святыню. Лишь в одном — единственном письме встретилось одобрение: некий участник войны полагал, что если кто и способен спасти здание оперного театра, то только японцы.

Такой накал страстей не мог предвидеть никто, даже Борис Федорович Деревянко, которой в своей редакторской работе сталкивался, казалось бы, с любыми ситуациями. Ему пришлось опубликовать обращение к читателям с пояснением — что к чему, и извинениями. Но и после этого еще некоторое время продолжали приходить гневные письма. Причем не только в «Вечернюю Одессу».

Несколько лет назад профессор Валентин Максименко в весьма солидном издании «Два века одесского городского театра» счел возможным упомянуть об этой истории и даже привел фрагменты отклика, который увидел свет в печати 30 января 1992 года. Публикатор, однако, не рискнул привести имя автора этого отклика, намекнув только, что то был заведующий кафедрой одного из одесских вузов, «ученый муж, увенчанный званием и степенью».

«С большой тревогой, — писал сей «ученый муж», — прочел материал о том, что жемчужина Одессы может перейти в аренду Японии сроком на 99 лет... Меня, прежде всего, испугала роковая цифра 99: именно на этот срок царское правительство сдало США в аренду Аляску... Мою тревогу усилила газета «Правда» за 1 января 1992 года, где речь идет о программе японской экспансии в Сибири и Дальнем Востоке, т. е. в России, но невольно закрадывается мысль — не разрабатывается ли в Токио программа экспансии по отношению к Украине?»

Жителям нашего города нельзя допустить того глумления, которое господин Мацухито позволяет себе по отношению не только к одесситам, но и к украинскому народу в целом... Считаю необходимым объявить украинский конкурс на спасение оперного театра — чудо мировой цивилизации. Гордость и национальное сокровище Украины надо спасать нам самим...

Нельзя воспитать уважение к культурному наследию нашего народа... путем потребительского отношения к различного рода подаркам из-за бугра, не говоря уже — путем утраты национального чувства гордости и достоинства. Речь

идет о чести государства — Украины. И эту честь мы не можем уронить».

Комментарии, как говорится, излишни! Что касается коллектива оперного театра, то там данную «новость» восприняли по-разному. Остроумнее всех отреаги-

ровал тогдашний главный дирижер: когда его спросили, что он думает по поводу того, что японцы хотят перевезти здание театра к себе, он ответил: «Жаль, что только здание, а не всю труппу!»

Прошло время, страсти утихли, новогодняя шутка — «утка» была признана не очень удачной, и казалось бы, все о ней забыли. Как вдруг, спустя месяца три, в киевской газете «Культура и життя» я обнаружил огромную статью, посвященную проблемам Одесского оперного театра, и в этой статье с громадным удивлением прочел свое «интервью», полностью (!) переведенное на украинский язык. Самое потрясающее заключалось в том, что автор статьи этот текст приводил в качестве... положительного примера того, как можно реконструировать старое здание. Честно говоря, я статью перечитал раза три, пытаясь понять: ее автор (одесский, между прочим, журналист!) действительно ничего не понял или же это такая тонкая ирония? «Окольными путями» удалось выяснить, что товарищ на самом деле поверил в мистификацию. Ну, что тут скажешь?!

Прошли годы. Оперный театр все-таки начали реконструировать. Тянулся этот процесс долго, потратили на него большие миллионы, но все равно периодически всплывает информация о проблемах здания. Но вот как-то в журнале «Наука и жизнь» я наткнулся на статью, в которой рассказывалось, каким образом в Великобритании пытаются сохранить старинные замки. Оказывается, один из самых эффективных способов спасения «каменных свидетелей седой старины» — это... продажа их американским миллиардерам. Те скупают замки «на корню», а дальше (внимание, уважаемый читатель!) — разбирают их, перевозят в Штаты и там восстанавливают в первоизданном виде. Правда, уже не на «исторической родине», а на своих американских землях. Я, конечно, ни в коем случае не ратую за то, чтобы наш замечательный оперный — краса и символ города — навсегда убыл за границу, однако поневоле закрадывается мысль: а, может быть, 30 лет назад, в чем-то я все-таки был прав? И новогодняя «утка» была изготовлена по принципиально правильному «рецепту»?!